



ИРИНА
ТИС

18+

МОНСТР НОКСА

У каждого чудовища
есть создатель

Ирина Тис

Монстр Нокса

Серия «Безумны вдвоем», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74629801

*Монстр Нокса:
ISBN 978-5-04-255145-1*

Аннотация

До свободы Лире Вейн остался всего один учебный год. Диплом Гарварда – последнее условие завещания, после которого она наконец избавится от опекуна, получит наследство семьи и сможет впервые начать жить по собственным правилам.

Новый семестр начинается с появления Сайруса Нокса – человека, о котором почти ничего не известно. Его прошлое окутано слухами, а самого Сайруса одни называют героем, другие – чудовищем. Именно он становится новым профессором Гарварда.

Получив место ассистентки Сайруса, Лира неожиданно понимает, что их встреча не была случайностью. Их жизни уже однажды пересеклись, но прошлое, которое должно было остаться забытым, вновь напоминает о себе.

Но чем ближе они становятся к ответам, тем опаснее оказывается правда. Пока университет обсуждает нового профессора, Лира начинает охоту за тайнами шестилетней

давности. И вскоре ей предстоит выяснить, что на самом деле связывает ее с Сайрусом Ноксом, прежде чем прошлое разрушит их настоящее.

И когда правда наконец начнет складываться воедино, Лире останется понять лишь одно: кто в этой истории настоящий монстр?

Содержание

Пролог	7
– I —	22
– II —	36
– III —	54
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ирина Тис

Монстр Нокса

*Эта история – о шрамах, которые не всегда
видны. И о людях, которые научились жить с ними.
Увидимся в финале.*

*Во власти ли секрет?
Он Дьявол или Свет...
Гадать есть смысл?
Он случай или вымысел?*

*Коль появился в жизни шанс, пройди урок.
В отчаянии нагрянет от фортуны некий звонок.
Судьба-злодейка и сведёт пути.
Осталось лишь принять и по нему пройти.*

*Случайно ничего не происходит.
Покуда есть вопрос, удел к нему подводит.
Лишь стоит ей в его глаза взглянуть,
Страницу жизни придётся пролистнуть.*

*Он дан ей неспроста, как и она ему.
Им стоит разгадать лишь: «Почему?»
Когда их встреча предначертана судьбой,
Только вместе смогут обрести покой.*

*Ирония судьбы. Да. Не иначе.
Возможно всё благодаря простой удаче?
Отнюдь. Окститесь, люди.
Их встреча козырь в этой смуте.*

*Так есть ли смысл гадать,
И вымысла всем ждать?
Он Дьявол или Свет?
Возможно... здесь найдём ответ. ¹*

© Ирина Тис, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Ли́ра смотрела на цифровые часы, стоящие на прикроватной тумбочке, и отсчитывала секунды до будильника. Первый учебный день, последний курс, и вот она – свобода. Мисс Вейн уже чувствовала ее аромат, представляла, что сможет наконец-то вступить в наследство полноценно, минуя опекуна и его постоянные запреты: на путешествия с друзьями, на каникулы за пределами города, на покупку новых AirPods. За путешествия было обидно меньше всего, чего не сказать о наушниках.

Ли́ра являлась единственной наследницей одной из самых состоятельных семей Бостона, но видела эти многомиллиардные числа только в завещании, а не на своей карточке. Для описания ее банковского счета было достаточно одного нуля.

Она потянулась в кровати, опережая трель будильника на несколько минут, и осмотрелась вокруг, словно за ночь в комнате могло что-то измениться. Все ровно так, как и было до переезда, она не принесла в эту квартиру почти ничего. Разве что цветы на балконе и десяток рисунков в гостиной. Ее опекун Люциан Рот лишь на втором курсе согласился, чтобы Ли́ра пользовалась апартаментами в небоскребе, который на тридцать процентов принадлежал ее семье.

Семья – это слишком громкое замечание: родители погиб-

ли, когда Лире было восемь, до пятнадцати ее растил старший брат, прибегая к помощи наемного труда. В детстве это были няньки, потом – гувернантки, как брат их называл, а после его трагической смерти остался лишь суровый Люциан Рот, который сразу объяснил, что состояние Лира увидит только тогда, когда ей исполнится двадцать три, а на его столе будет лежать диплом Гарварда с отличием. Адвокаты кивали на это заявление, а Лира топтала свои мечты о будущем, которое теперь было не суждено увидеть. Первый год из-за правил университета Лира жила в студенческом общежитии, но в конце второго семестра Люциан дал добро на переезд в пентхаус. Точнее, это «добро» было озвучено как сухой приказ без возможности обжаловать. *«Слишком много искушений»* – так он назвал общежитие, поправляя пышные усы. Лира спорить не стала, в тот же вечер собрала сумку для переезда, в которую уместилась вся ее жизнь. Она могла вступить в сестринство, жить обычной студенческой жизнью, но Люциан вновь все решил за нее, вырывая девушку из привычного общества, где она так и не смогла найти друзей.

И теперь почти каждый на потоке считал ее избалованной примерной девочкой богатеньких родителей, разумеется, приняв Люциана за отца, а толщину его кошелька сразу приписав и ей. Тут она тоже не пыталась переубедить студентов. Не говорить же, что единственный источник ее дохода – подработка на кафедре и стипендия, и так как профессор Рид ушел во внезапный отпуск перед началом летних

аникул, за прошлое место помощницы предстояло еще побороться. Рид был хорошим начальником, педантичен, внимателен к деталям. У Леры складывалось ощущение, что он всегда заранее знал, что она ответит. Как человек он ее пугал, как профессор вызывал уважение. Профессор Бенджамин Рид вел экономику, хоть Лира и слышала, что раньше он работал консультантом полиции по психологии поведения серийных убийц.

– Последний год. – Лира взглянула на часы и отключила будильник после первого сигнала, надеясь, что ей не придется устраиваться в кафе на углу кампуса.

Ей не нравилось, что все заблуждались на ее счет, было бы проще быть обычной, а не той, в честь кого назвали новый спортивный зал в университете. Но показывать другую сторону своей семьи, а точнее – ее отсутствия, она не собиралась. Будет до последнего задирать подбородок и быть «с бриллиантовой ложкой» только потому, что проигрывать было не в характере ее семьи.

Завещание обязывало получить диплом с отличием, и Лира уже предвкушала заветную корочку, которую после вступления в наследство будет использовать как подставку для кофе. Семейное дело было в добыче бриллиантов, семья Вейн занималась обработкой и реализацией драгоценных камней, а также инвестировала в поиски месторождений источников энергии. А Лира владела громкой фамилией и левым неработающим наушником, но никому до этого не было никакого

дела, кроме нее самой. Когда с растворимым кофе было покончено, она вызвала лифт, не покидая квартиры. Это один из немногих плюсов, которые были в апартаментах, но минусы перевешивали: нельзя приводить гостей; Люциан всегда знал, если она опаздывала и возвращалась домой после установленного им времени; курьерам запрещалось подниматься в квартиру – Лира должна была спускаться самостоятельно. Она была взрослой на бумаге, но по факту ее ограничивали в каждом шаге и вдохе.

Это последний год...

В лифте моргнул свет, Лира сильнее вцепилась в поручень, стараясь совладать с секундным страхом. Короткие перебои с электричеством случались редко, и Лира надеялась, что она никогда не встретит их запертой в металлической коробке с зеркальными стенами. Остальная часть пути прошла быстро, лифт доставил девушку до вестибюля. Неприятная консьержка, чьего имени Лира не знала, неодобрительно взглянула на уходящую студентку и сделала пометку в журнале. Лира могла поспорить на правый работающий наушник, что она отметила время ее ухода, чтобы доложить опекуну.

Собственным автомобилем Лира не располагала и по привычке пошла в сторону кампуса, но вовремя спохватилась, останавливаясь. Сегодня ее обещала подвезти подруга – Лира могла ее так назвать – Аврора, в этом году девушка переехала, а так со второго курса была соседкой по этажу в пент-

хаусе. Их познакомил общий балкон и неприхотливые цветы, которые там выращивала Лира.

Но Аврора была более свободной в выборе себя самой и на последнем курсе решила съехаться со своим парнем, оставляя Лире общий балкон, цветы и запасные ключи от пустующей квартиры. Рори была одной из немногих, кто знал историю Лире из первых уст: про родителей, брата, опекуна Люциана и аллергию на арахис. Половина студентов была осведомлена, что у Лире погиб брат, но то, что у нее не осталось родителей, не знал почти никто. Все пожертвования, которые осуществлял Люциан, поступали от имени погибшего отца, и его дело жило даже после смерти.

Автомобиль подруги затормозил на парковке с опозданием в десять минут. Не глобально, но Лире было бы хорошо оказаться в кампусе раньше: она все еще рассчитывала на должность помощницы, а они, как правило, не опаздывают.

Аврора без умолку рассказывала про каникулы, вечеринки и средства от загара, а Лира слушала, пропуская пятьдесят процентов мимо ушей, лишь изредка кивая. Рори любила поговорить, но всегда на легкие темы, отвлеченные, и никогда не рассказывала про семью или жизнь, которая была у нее до Гарварда. Открытая книга с белыми страницами прошлого.

– Что я сейчас сказала? – припарковавшись, спросила Рори с осуждением, прекрасно замечая, что подруга витала в облаках, вот только они у нее вечно были грозowymi.

Ли́ра отреагировала почти сразу, но ответа не нашла.

– Прости. – Она поджала губы, пытаясь искупить вину взглядом, полным сожаления. – Думаю о том, как получить место, которое занимала в прошлом году. Профессор Рид ушел, и вместе с ним и моя зарплата. А новый препод – это рулетка, пусть у меня рекомендация и высший балл, но ты же понимаешь, что шанс получить это место ничтожен.

Ли́ра лукавила: желающих на подобные должности никогда не было, студенты предпочитали как можно меньше времени проводить в стенах университета, тратя лучшие годы жизни на вечеринки, отношения и веселье, а не на сводные таблички с методическими материалами.

Аврора молчала и слушала, до конца убеждаясь, что Ли́ра пропустила последние минуты разговора. Во взгляде читалось осуждение: слабо прищуренные глаза, приподнятая бровь.

– Почему ты так смотришь? – не выдержала Ли́ра. – У меня что-то на лице?

Не дожидаясь, она посмотрела в зеркало, ища изъяны там, где Бог наградил лишь совершенством.

– Скоро узнаешь, – ответила Аврора, открывая дверь авто и заканчивая разговор.

– Рори! – возмутилась Ли́ра, преследуя подругу. – Договоривай, если начала.

Но проблема была в том, что Аврора уже договорила, просто Ли́ра, как обычно, посчитав собственные размышления

более интересными, пропустила часть рассказа, а зря.

Шли дальше молча: Рори немного улыбалась, так как предчувствовала интересное, а Лира ругала себя за невнимательность. В коридоре, где их пути расходились на несколько минут, попрощались уже без обид. Рори упорхнула в сторону аудитории, напоследок сообщив, что займет место, а Лира – в другую сторону, узнать, сможет ли подрабатывать на кафедре, как это было в прошлом году.

– Тук, тук, тук. – Она сымитировала стук в открытую дверь, касаясь лишь воздуха.

Секретарь подпрыгнула на месте и с опаской посмотрела вперед, ожидая худшего, но облегченно выдохнула, увидев студентку, на пожертвования чьей семьи она получала оклад.

– Лира. – Секретарь улыбнулась, но потом догадалась о причине столь раннего визита, и вся легкость пропала.

Секретарь никогда не спрашивала, зачем богатейшей наследнице половины Бостона эта подработка, и сейчас опять не стала уточнять, не желая вникать в причуды богачей.

– Я знаю, зачем ты тут, и мой ответ – не знаю.

Лира замерла в дверях, стараясь сохранить легкость в улыбке и взгляде, но внутри нее страх разбивался осколками, царапал острыми углами внутренности. Она обязательно справится: разберется с работой, получит диплом, перестанет чувствовать себя нищенкой, смотрящей на золотые горы, что выглядели как миражи, коснуться которых не было ее мечтой. Лира хотела злиться на Люциана, что он заставлял

ее жить так: без ежемесячной материальной поддержки, под контролем, – но не могла делать это на полном серьезе.

Обучение стоило несколько миллионов в год, квартира в пентхаусе – еще больше. И все это Лира получила лишь за то, что носила фамилию Вейн. Последняя в своем роде. Если бы она могла обменять деньги на семью, то сделала бы это не задумавшись, но выбора судьба ей не оставила.

– Ничего страшного, поговорю с новым профессором сама. – Можно было поверить, что это и правда не страшно и на кону не стоит выживание.

Эта подработка была ей необходима, так как Лира обеспечивала себя во всем самостоятельно: стипендия покрывала лишь растворимый кофе и ограниченный обед. Аврора всегда была готова помочь материально, но Лира предпочла сложный путь и выбрала работу, желая хоть тут чувствовать независимость от Люциана.

Секретарь посмотрела на запертую дверь деканата, и следующие слова уже прошептала:

– Поговаривают, что новый профессор служил и может убить, не моргнув и глазом. – Помощница прикрыла рот ладонью в наигранном испуге, а Лира лишь пару раз моргнула, не веря первой же сплетне в этом году. – Я читала его досье, тебе не стоит на него работать. Там было его фото – он ужасен!

Разве кто-то может пригласить убийцу в университет?
Хоть вопрос и был риторическим, ответ на него лишь

один – может. Лира покинула кабинет секретаря и примерно представила маршрут до аудитории, разрешая себе небольшой крюк: через отдельно стоящую библиотеку, в самый дальний ее угол, выйти в заброшенный сад, свернуть до небольшой беседки, где они с Авророй часто скрывались от непогоды Кембриджа, потом отпереть тяжелую старую дверь, зайти в крыло, где должна была проходить первая пара.

Сейчас меньше всего хотелось сидеть в душной аудитории, ждать лекции от нового профессора, «монстра», как прозвала его Лира про себя, и терзаться сомнениями: возмут ее на старую должность или все, что светит, – это закусочная и засаленный фартук официантки. Но, может, фартук все же лучше, чем работа на убийцу? Лира уже представила себе образ этого мужчины – со шрамами, ожогами и, скорее всего, с бритой головой, в возрасте ближе к шестидесяти. Разве пойдет кто-то добровольно преподавать в университет после боевых действий? Да и откуда у него могла быть степень по экономике? Вопросов было слишком много.

Двигаясь по продуманному маршруту, Лира старалась не привлекать внимания окружающих – часть студентов даже не знала, что фамилия ее семьи выгравирована на памятной табличке у въезда. Лире хотелось быть как все: иметь друзей, ходить на вечеринки и жить в кампусе «дома». Но вместо этого она шла по коридору, вымощенному старым напольным покрытием с тысячами мелких трещин, слушала музыку

только правым ухом и смотрела под ноги, не замечая никого вокруг.

Ее жизнь была как трещины под ногами: с загадками, историей, скопившейся болью внутри, отполированной поверхностью и никому не интересным внутренним миром.

В библиотеке пахло книгами, и Лира сбавила шаг: тут чувствовалась особая магия, которая была неподвластна времени. Шестнадцать миллионов книг, и все они были собраны тут. Если вычеркнуть из уравнения зависть золотых детишек и оставить только само здание Гарварда, то можно было бы решить, что годы обучения – лучшие в жизни. Но из уравнения людей не выкинешь.

– Первый день, и уже прогуливаешь, ой как нехорошо, папочка будет ругаться и не построит нам новый бассейн. Хотя подожди, папочке плевать на тебя, за все пять лет сколько раз он навестил тебя, малышка Лира?

Лира сжала челюсть и сделала вид, что ничего не услышала, проходя мимо. Левый неработающий наушник хоть и был вставлен в ухо, но позволил услышать все, что говорила Одри Херд. Однокурсница невзлюбила Лиру с первой встречи, но причину за все пять лет обучения конечно же не раскрыла. Одри всячески подстрекала, обижала, но Лира не терпела. Давала отпор и словом, и делом, но сегодня она просто была не готова к словесным склокам.

Кроме Леры, Гарвард знали хорошо проектировщики и зрители, которые поддерживали старое здание в идеаль-

ном состоянии. Она же просто любила изучать закутки, искать тайники и лазейки, места, где можно спрятаться ото всех, но при этом иметь возможность наблюдать. Эту дорогу она открыла для себя на втором курсе, гуляя после занятий. Дорога была на плане эвакуации, но разве кто-то смотрит на эти схемы, кроме нее?

«*Последний год*», – вновь подумала она и повела плечами, будто сбрасывая с них неприятное давление от слов Одри. Насколько надо быть бестолковой, чтобы не гуглить информацию по своему «врагу»? Все пять лет однокурсница из года в год говорила о том, что родители Лиры просто не интересуются ее жизнью. И каждый раз Лира хотела напомнить, что под шестью футами земли похоронено детство и интересы родителей к ребенку.

Лира Вейн вновь подняла подбородок и попыталась дернуть дверь, которая открыла бы ей крыло, где располагалась нужная аудитория. Дверь не поддавалась, и Лира еще раз потянула за большую металлическую ручку, надеясь услышать привычный скрип петель. Девушка вкладывала всю имеющуюся силу, но единственное, что получила, – боль на ладонях и понимание, что день с самого утра не задался.

– Ну пожалуйста, – молила деревянную дверь, которая точно не собиралась поддаваться на уговоры, так как была заперта на ключ.

И казалось бы, простая дверь, но сейчас она была как непреодолимая стена внутренней боли. Чтобы успеть на лек-

цию, дверь должна открыться. Если она пойдет обратно в обход, то опять встретит Одри и ее шутки, сжимающие сердце и достоинство колючей проволокой, причинят новую порцию боли. Она опоздает, произведет плохое первое впечатление и не получит место с минимальным окладом труда.

Лира пнула дерево носком ботинка и застонала, прижимаясь лбом к поверхности. Простая дверь рушила все планы. Если бы она не захотела тишины, не пошла бы в обход потайными дорожками, которые почти никто не знал, не оказалась бы загнанной в угол собственных страхов.

Это последний год. Это последний год.

Набатом звучало в голове, но если утром эти мысли дали сил подняться с постели, то сейчас они клонили к земле непомерным грузом.

Это последний год.

А что будет дальше? Столько лет отдано изучению бизнеса – несчитаное количество часов, а сейчас в рюкзаке лежал блокнот и карандаш определенной мягкости. Творчество она променяла на семейный бизнес, но только ее не спрашивали, а просто дали установку: диплом – наследство.

Кто она без денег своего рода? Девушка, которая не может позволить себе купить наушники и просто делает вид, что левый работает. Если она признается самой себе, что он сломан, то и привычная жизнь даст трещину.

– Не поддается?

Мужской голос раздался с левой стороны, а неработаю-

щий наушник позволил его расслышать и остановить объяснения с дверью.

Лира быстро достала наушники и отправила их в кейс, стирая намеки на слезы. Семья Вейн – не плачет, не опускает подбородок и не сдаётся. Вот только она осталась одна, как травинка в поле, которую готовились скосить обстоятельства.

– Нет, – ответила она и присмотрелась в дальний угол где, скрытый тенью, блестел уголек сигареты. – Тут нельзя курить, – сделала она замечание, присматриваясь к тени, но в голосе не было осуждения, скорее напоминание.

Только первогодки не подчинялись очевидным правилам, старшие курсы скрывали вредные привычки более искусно.

– Да? – уточнил мужчина. – Не знал. – А после уголек стал светиться ярче: собеседник точно сделал новую затяжку, наплевав на правила.

Но Лира улыбнулась на этот протест. Ей тоже хотелось так – идти против системы, есть арахис, курить в Гарварде, хотеть заниматься сексом и рисовать. Но она стояла тут с идеальной причёской, легким макияжем, в выглаженной одежде и была образцовым студентом, но лишь снаружи. Внутри – бунтовала, но только наедине с собой. Молчание затягивалось, но оно было не гнетущим, а легким, с приятным запахом вишневого табака.

– Никогда не курила, – почему-то сказала Лира, желая вернуть произнесенное признание.

– Умница.

От неуместной похвалы у Леры по спине пробежали мурашки. Умница... почему-то ей очень понравилось это слышать, захотелось записать момент и прокручивать после каждого успеха.

– Дверь. – Лера еще раз дернула ручку, словно что-то могло измениться за минуту. – Заперта.

– Да, – ответил мужчина из темноты, говоря так, будто это было очевидным. – Можно обойти через библиотеку, – предложил незнакомец решение, которое не устраивало.

– Не можно, – грубее, чем хотелось, ответила Лера, но вовремя вернула на себя маску хорошей девочки. – За дверью – аудитория. Если я опоздаю, получу выговор, а не место помощницы профессора, поэтому не можно.

Лера прикусила внутреннюю сторону щеки и улыбнулась – болезненно, наигранно. Приличные девушки не оговариваются, они воспитаны и знают манеры. А она – приличная, она – мисс Вейн.

– Хм, – издал неясный звук мужчина из тени и затушил сигарету. – У меня есть решение для твоей проблемы.

Тишина стала оглушающей, она царапала перепонки и забивала легкие молчанием. Ответ ей не понравится – Лера это знала. Но еще она знала, что если не спросит – сойдет с ума.

– Какое? – Робко и тихо, совсем забывая, что еще недавно бунтовала внутри.

– Беги...

Бежать от голоса, от мужчины, от себя самой, реальности существования. Беги. Беги. Беги.

И она побежала.

* * *

Сайрус проверил время, наблюдая, как секундная стрелка перевалила за цифру двенадцать, а это значило, что он и сам опоздал на собственную лекцию.

Он еще раз посмотрел на то место, где только что стояла девушка – совсем юная, печальная. Но Сайрус не мог не увидеть искру, которая загоралась в ее глазах каждый раз, когда она говорила не то, что нужно, а что хочется. Там, под опрятностью и скованностью, жил шторм.

Беги.

Она побежала. Быстро, словно боясь не опоздать, а того, что он ее догонит. И, черт бы его побрал, он хотел это сделать. Выбраться на охоту, загнать в угол. Ягненок – вот чей взгляд смотрел на него минутой раньше. Ягненок, жаждущий быть пойманным.

Сайрус поднялся, провел ладонью по линии челюсти с односторонней щетиной и достал из кармана ключ, который мог решить проблемы незнакомки.

Кто первым придет к назначенной точке: жертва или охотник?

Ли́ра забе́гала в аудито́рию на свeрхзвукoвой cкoрoсти. Мышцы горели от адрeнали́на и cтpaннoгo чувcтвa эйфoрии, бyдтo oнa yбeжaлa oт вoлкa в cтpaшнoй cкaзкe. Вocтoрг oт cпacения oбжигaл щeки и cбил дьхaниe — cпacлacь. Нo xoтeлa ли этoгo?

Бeги.

Вce вoкpyг пoмepклo, и eдинcтвeнным, чтo oстaвaлocь в coзнaнии, был этoт гoлoc, звyчaвший из глyбини дyши. Он бyдтo cлилcя c гyлoм coбcтвeнныx мыcлeй, кoтoрыe, пo oщyщeниям, пyльcиpoвaли нa ypoвнe шeи. Этo чувcтвo oмpaчилo coзнaниe и зacтaвилo ceрдцe битьcя eщe cильнee, пьтaяcь выбpaтьcя из этoгo лaбиринтa зaпyтaнныx эmoций.

Бeги.

Лириaнa Вейн, нacлeдницa алмaзнoй импepии, дeвyшкa, кoтoрaя пpoйдeт пo битoмy cтeклy, нo нe зaплaчeт, — cбeжaлa, и eй этo пoнpaвилocь. Этo нe былo бeгcтвoм, этo былo дpyгoe, нa ypoвнe живoтныx инcтинктoв, oнa ждaлa, чтo мoнcтp из тeни пoгoнитcя зa нeй, paзpyшит ee и бeз тoгo хpyпкий и шaткий мир.

Нo oн нe пoгнaлcя.

Глyпышкa Ли́рa, мaлeнькaя дeвoчкa, кoтoрaя нe нyжнa дaжe мoнcтpy. Oтчeгo-тo этo пpичинялo бoль бoльшe, чeм cлoвa oднoкypcницы Oдpи в библиoтeкe. Oнa дaвнo никoмy нe

была нужна, это стало почти привычным чувством ненужности в жизни других. Она – сама по себе, но играющая по чужим правилам. Учиться там, где нужно, приходить домой вовремя, быть лучшей на потоке, заслужить фамилию, которая была дана с рождения.

Лира зашла в аудиторию и только тогда поняла, что идеальный фасад бриллиантовой девочки разрушен: волосы больше не уложены, верх выглаженной персиковой кофточки сбился на плечах. Маска треснула, и за ней проступили боль и одиночество. Она запертая в башне принцесса, и ее не спасет даже дракон – его элементарно не пропустит консьержка. Лишь на секунду взгляды окружающих коснулись Лиры, но, как только студенты поняли, что это не новый профессор, они сразу потеряли интерес. Сейчас она бы тоже от себя отвернулась, ей не нужно было смотреть в зеркало, чтобы понять – с ее внешним видом все плохо.

Лира поправила волосы, кофту и сделала первый шаг вниз по ступеням аудитории, спускаясь в яму кишящих змей. Именно так чувствовалось пространство: разговоры, шепотки, насмешки, но ничего из этого не беспокоило так, как слова незнакомца, которые звучали в голове, въелись в скелет и останутся с ней навсегда. Один короткий разговор отравил ее, каждую клеточку тела, пара фраз – и она чувствовала себя по-иному, готовой к чему-то неизведанному и опасному. Он – скрытый в темноте пожар, а Лира не боялась обжечься, тепло манило, пугало, и хотелось его.

Глупость, которая не спешила покидать голову.

Успела. Она успела. Кафедра была пуста, проектор не работал, а студенты болтали, сидя на своих привычных местах. Она опередила профессора, а это значит, что у нее есть шанс не наливать кофе и не носить засаленный передник в местном кафе. Если, конечно, она сможет работать на «убийцу».

Беги. Она убежала и спаслась. Монстру ее тут не достать, но было ли это правдой?

Лира начала искать взглядом Аврору, но на привычном месте подруги не оказалось. Это заставило спуститься еще на одну ступень, рассматривая однокурсников. Вокруг нее были загорелые лица, новые прически, татуировки, роскошь и бриллианты. Лира не завидовала деньгам и рисункам на коже, она мечтала о свободе, которую у нее отняли после смерти брата. Взрослая, но живущая в ошейнике ограничений.

– Пс!

Звук, который должен быть тихим, заглушил другие шумы; Рори подняла руку, гремя браслетами на запястье, привлекая внимание.

Лира засомневалась. Зачем Рори села во втором ряду? Их прошлые места в конце аудитории так и пустовали. Подальше от профессора, подальше от шуршания. Для того чтобы получать хорошие оценки, не обязательно быть на первых рядах. Но времени на размышления уже не осталось: если новый профессор застанет ее в проходе, станет очевидно, что она опоздала. Лира быстро спустилась, аккуратно прошла

мимо других и села рядом с Авророй на занятое для себя место.

– Ты опоздала, – тихо заметила Рори, поправляя выбившуюся прядь у лица подруги. – Ты что, бегала?

Лира натянуто улыбнулась, достала блокнот для скетчей быстрее, чем тетрадь и учебник для предмета, и попыталась говорить спокойно, не раскрывая сбившегося дыхания и волнения, натянувшего все нервы:

– Встретила одного кретина, он запер дверь, пришлось возвращаться через библиотеку и делать крюк.

Аврора прищурилась, явно видя за «кретином» другое определение для человека, кто пошатнул мир непреклонной Лирианы Вейн, которая всегда следит за языком и никогда не употребляет такие слова, как «кретин».

– Горячий кретин? – Подруга заговорщически улыбнулась и поиграла бровями вверх-вниз, намекая на сексуальный подтекст ругательства.

Лира первый раз не знала, что ответить, чтобы еще больше не выдать взволнованного состояния. Хотелось опровергнуть, ругаться на ситуацию, но по факту она не понимала, на что именно, как и не знала, он ли запер дверь. Как и внешности его не знала, может, он тощий первокурсник? Но разве может быть у подростка такой голос?

Беги...

Волнительный трепет вновь заскользил по коже холодком, и Лира попыталась сесть поудобнее. Короткое «беги» уже

щекотало в районе желудка и стремительно двигалось вниз приятным теплом. Почему его голос был знаком ей? Или она выдавала желаемое за действительное? Глупость, разве может быть такая реакция на простое слово? А может, причина была не только в словах? *Хорошая девочка, беги...* Лира еще раз попыталась найти удобное положение, но в аудитории стало слишком жарко, даже с открытыми окнами. Она потянула ворот кофточки и попыталась охладиться, помахивая блокнотом.

– Голос был приятный, но это единственное. – Лира положила скетчбук, понимая, что прохладный воздух не помогает, достала планшет и начала листать ленту, просматривая скучные новости знакомых, пытаясь отвлечься жизнями других.

Аврора спорить не стала: она слишком хорошо знала подругу, чтобы почувствовать фальшь в ее словах. Лире точно приглянулся тот самый кретин, но признаваться она, конечно, в этом не будет.

– Как там наши цветочки? – Рори попыталась зайти с другой стороны, начав разговор с их общего балкона и моря цветов на нем. Лира отвлеклась от планшета и посмотрела на Аврору вопросительным взглядом.

– Наши? Ты их ни разу не полила. – Осуждения в голосе не было, лишь недоверие из-за того, что Аврора заговорила о цветах, которые жухли только от ее присутствия.

– Один раз. – Рори подняла указательный палец, отчего

браслеты на ее запястье снова зашлись приятным звоном.

– И этого было достаточно, чтобы их залить. – Лира улыбнулась, а потом поняла, что что Аврору цветы не интересовали и этот разговор был не для того, чтобы узнать, как поживают петунии в горшках.

Она переживала за Лиру: как она там живет одна, справляется ли? Лире было одновременно приятно от заботы, но гордость чувствовала себя ущемленной, хотелось ошестиниться: принимать жалость, волнение, любые проявления слабости было сложнее, чем это выглядело со стороны.

– Ну это...

– Все хорошо. – Лира оборвала очередной предлог для жалости к себе. – У цветов и у меня все хорошо, они растут, а я читаю. – Она показала на планшет и вновь разблокировала гаджет, демонстративно смотря на фотографии, которые для нее ничего не значили.

– Может, зайдешь к нам на ужин? – предприняла еще одну попытку Аврора. – Я что-нибудь приготовлю, и это не отравит тебя и моего парня.

Лира улыбнулась, но покачала головой из стороны в сторону, отказываясь. Как-нибудь в другой раз, позже, когда она сможет принести хоть что-то к этому ужину, кроме как себя. Аврора приняла отрицательный ответ и успокоилась. Лира всегда была сильной. Она справится со всем, а если нет, Рори будет готова приготовить неотравленный ужин и позволить занять гостевую спальню.

Аврора достала журнал, купленный у кампуса, и начала листать страницы, улыбаясь себе под нос, предвкушая удивление, когда в аудиторию войдет новый профессор. Лира бы тоже знала его имя, если бы внимательно слушала монолог в машине. Аудитория находилась во взволнованном состоянии. Кто-то – такие, как Лира, – вновь витали в облаках. Одри и Аврора читали одинаковые журналы, купленные с разницей в пару минут.

– Все, теперь читай ты, мое воспитание против такой информации. – Подруга пододвинула журнал и наигранно изобразила отвращение к напечатанному тексту, словно он угрожал ее этическим ценностям. Лира замешкалась, но сменила планшет на журнал, ища в нем причину или следствие реакции. Она долистала до последней страницы, так и не найдя ничего странного, просто положила журнал поверх блокнота для скетчей, скрывая свой маленький секрет.

Многие знали, что Лириана Вейн рисует на лекциях, так как часто видели ее с остро заточенным карандашом в руках, но ни одна живая душа не видела, что именно она рисовала. Последний человек, кто видел ее наброски, – погибший брат. Он был тем, кто вселял в нее уверенность в себе, говорил, что не нужно идти против собственного желания на факультет бизнеса, если душа просит творчества. Не получится из художника бриллиантового управленца. Умного, образованного, сообразительного и начитанного – да, но если душа не лежала к цифрам, то не нужно идти против себя.

Тогда Лира и правда думала, что сможет посвятить жизнь творчеству и не будет мешать брату строить свою империю. Но в день трагической гибели брата умерло и детство. Мечты больше не имели возможности осуществиться. А после чтения завещания, которое было написано еще родителями, Лира сожгла все кисти, выбросила краски, и все, что у нее осталось, – это грифель и бумага. Карандаш был такой же, как и ее жизнь, – бесцветный. Сколько ни води по поверхности, он будет становиться лишь чернее. Так было и в жизни Леры: каждый новый день хуже предыдущего.

Но она же справится, семья Вейн не сдастся, а она – последняя ее часть, и ради памяти о погибших близких Лира сделает все необходимое.

Дверь в аудиторию открылась быстрее, чем Лира убрала руку от журнала. Она опередила нового профессора лишь на несколько минут, но радость от успеха исчезла слишком быстро, стоило только обернуться. Мужчина не был старым, как рисовала Лира в своих мыслях, скорее в районе тридцати, слишком рано, чтобы стать героем войны. Но когда профессор спустился на пару ступеней вниз, Лира отчетливо увидела шрам, рассекающий левую сторону лица. Глаз, судя по всему, удалось сохранить только чудом. Это не выглядело уродством, скорее наоборот, как импульсивный взмах кисти – ошибочно, но красиво. Считается, что шрамы украшают мужчину, это был именно этот случай.

Мужчина – опасный, это было очевидно лишь по одно-

му взгляду. На широкие плечи был натянут дорогой пиджак, но это не придавало строгости, все в его образе было создано неправильными изломами, черные джинсы не вязались с классическим пиджаком, густые непослушные кудри не сочетались со шрамом.

Лире он не понравился, хотелось отсечь на задние парты, спрятаться за щитом из других учеников, быть невидимкой; еще больше ей не хотелось на него работать, оставаться наедине, слушать указания, просто смотреть в его сторону, а что уж говорить про глаза. Страшно до дрожи в коленях.

«Беги», – вновь прозвучало в воспоминании. Этот голос точно бы подошел к образу профессора. Не сопливый первогодка, спрятавшийся покурить. Грозный монстр, нагло нарушающий правила. Но это же не мог быть он?

– Боги, какой горячий, мне хочется от него прикурить и наследников.

С первого ряда слышался шепот Одри, и только тогда Лира поняла, что сидела слишком близко к ненавистному объекту женского пола.

– К концу года я выйду за него замуж. – Одри опять выдала предложение, за которое Лире на секунду захотелось вырвать пару наращенных белых прядей из пустой головы.

Аврора засмеялась, маскируя веселье за кашлем.

– Ага. – Она опять закашлялась. – Заядлый тридцатилетний холостяк обязательно поведется на твою тощую задницу, Одри. Спойлер – нет, можешь даже не пытаться.

Одри пропустила замечание про собственную задницу и повернулась, полностью игнорируя Лиру, обращаясь лишь к Авроре.

— Ему тридцать? — Девушка подалась ближе, говоря тихо, чтобы ее никто не услышал. Сейчас она строила из себя милашку, чтобы получить информацию и ответы.

— Да. — Аврора не пыталась понизить громкость, она лишь фыркнула и открыла учебник, занимая руки бесполезным занятием. Раздражаясь, что Одри Херд заинтересовалась новым профессором.

— И он холостяк? — Одри быстро повернулась к своему столу и вернулась уже с журналом, точно таким же, какой скрывал скетчбук рядом, она пролистала до определенной страницы и ждала ответа на заданный вопрос.

— До мозга и костей. — Рори захлопнула учебник и постучала пару раз по столу ногтями.

— Откуда ты знаешь? — Одри с недоверием посмотрела вначале на Аврору, потом на профессора, который уже занял место за кафедрой и, достав из кармана очки, небрежно сдвинул их по переносице.

Лири на этот простой жест почти заплакала. Нельзя быть таким привлекательным в такой острой оболочке. Не смотреть на профессора с каждой секундой было все сложнее: на заломы ткани пиджака у предплечий, на бедра, обтянутые черными джинсами, а теперь еще и на очки.

— Доброе утро, я ваш новый профессор, меня зовут Сай-

рус Нокс. — Мужчина немного улыбнулся, приподнимая уголки губ, но глаза так и остались серьезными, строгими и изучающими.

— Это мой дядя. — Ответ стал слишком очевидным после произнесения фамилии, и Одри опять повернулась еще до того, как Рори открыла рот.

А Лира — она сползла по стулу так низко, как только позволяли колени и сумка, лежащая на полу. Голос — разумеется, она его узнала — властный, грубый. Он нес в себе уверенность и власть, которые заставляли внимательно слушать каждое произнесенное слово. Тон его был непреклонным, как у кого-то, кто привык, чтобы его слова исполнялись немедленно, без возражений.

Беги.

Беги.

Хорошая девочка.

Сайрус говорил, изучая студентов, не останавливая взгляда ни на ком конкретном. Лекция тянулась бесконечно долго для Лир и для той части аудитории, где не мечтали раздеть профессора взглядом. Остальные, кто не слышал про дядю, строили догадки о связи Авроры и профессора, некоторые приписывали им весьма неприличные отношения, кто-то называл их братом и сестрой. Но чтобы они ни напридумывали, это не мешало им фантазировать еще дальше и изучать безымянный палец левой руки профессора.

Холост или просто не носит кольцо? Сколько ему лет?

Есть ли у него девушка? Он правда воевал? Откуда у него шрам, есть ли у него на теле еще шрамы? А татуировки? Он богат так же, как и все Ноксы?

Когда до окончания лекции осталось несколько минут, в аудитории прозвучало имя, от которого Лира почти упала под стол:

– Лириана Вейн.

Ее звал Сайрус Нокс. Но разве он мог знать ее имя? Как ей посмотреть на него, если единственное, что она хотела, – это быть невидимкой, раствориться и сбежать?

– Лира. – Аврора ткнула подругу в бедро. – Ответь.

Лира медленно поднялась выше уровня стула и спрятала неуверенность поглубже – туда, где были похоронены ее мечты о счастливом будущем.

– Да? – ответила она, и голос прозвучал почти нормально. – Профессор.

Уголок губ дернулся, и могло показаться, что мужчина улыбнулся второй раз. Но сейчас взгляд был другим, как у хищника, который нашел жертву.

«Профессор» – ему понравилось, как это прозвучало из уст студентки, которая, не зная его, дерзила, а сейчас смотрела пусть и со страхом, но и с вызовом.

– Лира. – Сайрус не спрашивал, он просто еще раз назвал имя, которое было написано у него в рекомендации от ушедшего профессора Рида.

«Способная, умная, сообразительная, всегда работает

на опережение – лучшая кандидатура».

– Вы были ассистенткой профессора Рида в прошлом году? – Сайрус уже знал ответ, но хотел услышать его сам, было в этом что-то – слышать нотки страха и опасения.

Плохая девочка сбегала в логово чудовища и теперь заперта с ним.

Другие лица в аудитории растворились, были лишь двое говоривших.

– Да, – ответила Лира увереннее, чем профессор того хотел. Но голос врал, а взгляд – нет, и в светлых лазурных глазах была паника. – Последние четыре года, – опять твердо произнесла, а Сайрус видел, как пульсирует венка на тонкой шее, которая отлично поместилась бы в его руке.

Но он, разумеется, не стал бы этого делать.

– Хорошо, садись.

Хорошо. Хорошо. Хорошая девочка.

Лира быстро села и больше не сползала вниз: ее вычислили, нашли. Монстр не погнался за принцессой, он просто знал, где сможет ее найти в удобное для него время, которое настало слишком быстро. Распущенные волосы прилипали к затылку, и Лира вновь потянула за ворот кофты, которая ощущалась как жесткая рука профессора, а не легкая ткань.

– Завтра утром в аудитории будет конкурс на место помощника. Все желающие могут попытать удачи знаниями. Минимальный оклад труда и рекомендация в конце года для трудоустройства и практики. А сейчас все свободны.

В этот раз он не приказывал, но она вновь побежала.

— II —

Лира смотрела в зеркало, держась руками за холодный кафель раковины, и дышала – пыталась. Взгляд в отражении сиял мириадами незадаанных вопросов. Она рассматривала себя, словно обычное существование обернулось загадкой, которую ей предстояло разгадать. Черты лица, выражение глаз – все казалось чужим и непонятным.

Вдох. Выдох. Вдох. Беги.

Лира медленно подняла левую руку, прикоснулась к стеклу, будто хотела проверить, насколько увиденное реально. Дрожащие пальцы правой руки остывали на холодной поверхности раковины. Она продолжала дышать неровно, стараясь найти спокойствие внутри, несмотря на бушевавшее в груди переживание.

Отражение не отвечало на ее молчаливый вызов и будто подшучивало. Вместо того чтобы увидеть бриллиантовую принцессу, Лира видела нечто совершенно другое – девушку, чьи глаза светились от внутреннего пламени, чья кожа блестела от волнения, а щеки горели румянцем. Это был образ, который она не могла связать с собой, – слишком иной, слишком интимный, чтобы признаться даже себе.

Она ведь не умеет краснеть! Но неизвестная девушка в отражении была готова опровергнуть эти мысли, обнажая истинный облик, который был более сложным и богатым, чем

просто мисс Вейн без недостатков. Возможно, изъяны были важной частью, которую она не осознавала или не хотела признавать, — частью, без которой нельзя стать собой по-настоящему.

— Давай, просто соберись и выйди отсюда, — обратилась Лира сама к себе в зеркале, но это не помогло, собраться не получилось.

Руки слабо дрожали, как и все тело. Она ощущала себя в ловушке, из которой не выбраться, будто сама заперла дверь клетки и выбросила ключ, оставаясь с внутренним чудовищем наедине. Она не может так реагировать — это неправильно. Так говорила ей привитая система убеждений. Но чем больше она старалась вернуть себе маску невозмутимости, тем больше реальность ее внутреннего мира становилась заметней.

Лира хотела привести себя в нормальное состояние — и внешнее, и внутреннее, — но, как назло, расческа из сумки пропала. Она так быстро убегала из аудитории, что не посмотрела, все ли взяла с собой. Пришлось пройтись по длинным темным волосам пальцами, стараясь привести себя в надлежащий, привычно идеальный вид.

За дверью уборной заговорили, и послышался неприятный голос Одри. Встретить ее в таком взволнованном состоянии — это показать слабость, а Лира не могла себе этого позволить. Она повернулась и выбрала единственный путь к отступлению — открытая дверь кабинки. Лира быстро запер-

лась на задвижку и села на крышку унитаза, поднимая ноги с пола. Если посмотреть с обратной стороны, будет казаться, что кабинка закрыта по техническим причинам, а не изнутри сбежавшей от собственной неуверенности студенткой.

Лира затаила дыхание и прижала к себе сумку. Прятаться – унижительно. Но обнажать боль и страхи перед такими, как Одри, хуже во сто крат. Она не могла позволить себе проиграть в первый учебный день.

Одри Херд была ровесницей Лиры. Яркая, голубоглазая блондинка с наращенными волосами – так успокаивала себя Лира. По успеваемости – середнячок, она никогда не блистала знаниями, не стремилась к хорошим отметкам, не видя в образовании ничего важного, мечтая лишь о роскоши и комфорте. Лира читала, что мать Одри – бывшая голливудская актриса – удачно вышла замуж во второй раз, и было ясно, что целью номер один для Одри было найти себе подходящую кандидатуру мужчины, который будет обеспечивать ей Mastercard с безлимитным счетом, как это делал отчим.

– Он просто греческий бог, почему ты мне сразу не сказала? Я бы подготовилась.

Одри заговорила, когда за ее спиной еще не закрылась дверь. Послышался томительный вздох, а после – тихий смешок. Лира притаилась, оглушенная ударами собственного сердца – так сильно оно стучало о ребра.

– Он профессор, – ответили серьезным тоном, но Лира не поняла, кто именно, и стала прислушиваться к разговору,

стараясь никак не выдать свое присутствие.

Она пыталась понять, кто отвечает: голос был точно знаком, но не был похож ни на одного студента. Лира где-то слышала его, и возможно, это было сегодня, но кто будет обсуждать профессора? Ответ был очевиден – все. Она и сама хотела узнать то, что не знал никто. Но двух разговаривающих девушек все равно осуждала, пусть и мысленно.

С обратной стороны дверь запертой кабинки толкнули, хромированная ручка дважды опустилась вниз, после того как замок не поддался, у самого пола появились белые крашенные волосы. Не заметив никого внутри, девушки продолжили разговор, удостоверившись, что находятся одни и их сплетни никто не будет подслушивать.

– Это запрещено правилами? – задала вопрос Одри Херд, и потом послышался звук льющейся воды из крана. – Я готова прибегать к приворотам, порче, соблазнению и чему угодно.

Лира прикрыла глаза, отвечая на вопрос, который был задан не ей.

Разумеется – запрещено.

– Да, если профессора Нокса поймают со студенткой, его с позором выгонят. Это прописано в уставе Гарварда.

Девушка со знакомым голосом ответила, а Лира пыталась визуализировать говорившую. Она знала устав, что было странно, много ли среди студентов тех, кто знаком с данным документом? Лира в глаза его никогда не видела, но да-

же без официальной информации было ясно, что роман профессора и студентки не принесет ничего хорошего. Кто вообще мог об этом думать? Лира подкатила глаза и почти цыкнула, но вовремя прикрыла рот рукой, а шуршание одежды скрыл шум льющейся воды. Она почти рассекретила себя в первую минуту подслушивания.

– Ничего, у меня есть весь учебный год, чтобы его заполучить. Ты слышала, сколько денег у его семьи? Хватит не просто до старости, а на несколько поколений, – это то, что мне нужно.

Лира сжала челюсть с такой силой, что на секунду ей показалось, что та закрипела и этот звук услышали говорившие.

– Как ты планируешь это осуществить? – задала вопрос незнакомка и тяжело вздохнула, а после послышался звук разблокированного смартфона. – Сейчас кое-что проверю. Он не женат, – добавила она после минутного молчания.

– Знаю, его родственница со мной на потоке. – Одри закрыла кран, и стало слишком тихо. – Статью сегодня прочитала на паре, буду следовать инструкции и, если все сложится хорошо, после завершения обучения смогу отделаться от отчима, меня уже тошнит от этого старого извращенца.

Лира, которая и без того старалась не шевелиться и не дышать, почти подавилась невысказанными словами. Ее шею будто в петлю засунули и потянули, воздуха не хватало, и захотелось закашлять. В голову сразу полезли мысли про от-

чим и Одри, пусть она тысячу раз сука, но все ли так плохо, как Лира себе представляла? Она видела их общие фото на страницах глянца, и отчим всегда казался на снимках милым старичком, обнимающим свою падчерицу.

– Тебе нужно рассказать матери, ты и без меня это знаешь, – дала незнакомка дельный совет, который, судя по ответу, не удовлетворил Одри.

– Саманте Херд плевать: пока у нее есть мартини с оливкой, она будет считать меня последней лгуньей. Пусть я хоть в полицию приду, меня сделают виноватой соблазнительницей: слишком короткие юбки и вызывающие купальники у бассейна дома. – Одри неприятно засмеялась, а у Леры по коже прошелся холодок. – Возможно, отчасти они будут правы, но я же не знала, что это обернется против меня, что у него и правда встанет. Это уже не имеет значения, мой лучший вариант – Нокс или завещание отчима, в котором пока нет ни меня, ни матери.

Лиру затошнило от услышанного. Все слова, брошенные так просто про отчима, выворачивали наизнанку, лезли гадкими буквами и фантазиями обратно. Что Одри приходилось проживать в стенах дома? Она ненавидела однокурсницу, все ее слова про родителей, которым плевать на Лиру, а в реальности оказалось, что у нее все гораздо хуже. Хотелось продолжить испытывать ненависть, но единственное, что получалось, – жалость, хоть Лира и знала, Одри ее не заслуживает.

– Одри, Нокс – опасен. То, что убийцу позвали читать лекции, полное безумие. Но положение в обществе, деньги и связи не позволят выступить против его должности профессора, – заговорила незнакомая девушка, отвлекая Лиру от мерзкого фантазирования четкими образами. – Я все еще не верю, что он оказался тут просто так.

– Пока он обеспечивает меня, пусть хоть кем будет. Точно уж лучше шестидесятилетнего отчима, знаешь ли. Да и вообще можно просто забеременеть от профессора, чтобы точно связать материальными обязательствами. Необязательно даже открыто встречаться, хотя... – С каждым словом голос Одри становился все более и более мечтательным.

Лира не представляла, что можно вот так жить: не окончив университет, думать, от кого побогаче родить, чтобы привязать человека к себе, а ребенка расценивать как финансовую безопасность. Мисс Вейн поморщилась и поплотнее прижала к себе сумку, ее насущные проблемы, казались такими глупыми и детскими, единственное, что беспокоило Лиру, – неработающий левый наушник и уж точно не планирование жизни путем залета.

– Одри. – По тону незнакомка вновь хотела прочесть лекцию, но не успела.

– Зря я тебе рассказала. – Одри зашла в соседнюю от Лир кабинку и поставила сумку на пол так близко, что можно было перетянуть ремешок к себе. – Смотри. – Она начала листать журнал, а Лира перестала давиться отвращением и

вновь прислушалась к разговору. – Пункт первый – готово: не женат, чего не сказать о моем папочке. Пункт два – нужно выяснить, как к этому относятся в университете. Тоже готово: относятся плохо. Но лучше плохо, чем секс с отчимом, когда я не вписана в завещание. И этот старый козел постоянно отходит от темы, когда я напоминаю ему про наследство, будто чувствует, что как только там появится мое имя, я его сошлю на тот свет. Мне кажется, он намеренно оттягивает момент, но ничего, я добьюсь и наследства, и профессора.

– Одри! – Собеседница возмутилась, но отговаривать не стала, как и читать нотации о том, как нужно поступить.

Лира посмотрела на потолок, ища там хоть какие-то ответы. Если вписать в завещание, то должно меньше тошнить от того, что отчим пристает к дочери своей престарелой супруги на ботоксе и подтяжках?

Гадость.

Лира постаралась представить себя на месте Одри, вместо отчима думая о Люциане. А если бы он себя так с ней вел? Ее опять затошнило. Как же Лире повезло, что ее опекун был приличным и воспитанным человеком, погибшие родители не ошиблись, доверившись ему. За все время от него не было ни одного неуместного намека.

– Ты сможешь сказать мне его адрес? Случайно окажусь там рядом, может, колесо проколю или еще чего. – Одри вышла из кабинки, не нажав на кнопку спуска воды, Лира по-

морщилась.

– Извини, но нет, это информация из личного дела, меня могут за такое уволить, сама понимаешь, мне нужна эта работа.

И Лира поняла, что это за девушка: она утром рассказывала ей о новом профессоре. Секретарша, имя которой Лира всегда забывала, безликая тень деканата. Хотелось открыть дверь и, наплевав на внешний вид, показать, что она все слышала и знает про все то мерзкое, что они обсуждали. Но, как оказалось, молчание – золото.

– Ну, ладно тебе, Джес, а если, скажем, папочка оплатит тебе квартиру на пару месяцев вперед? Или, может, ты хочешь еще новую сумку? Прошлогодняя вышла из моды, я всего лишь хочу его досье.

Тишина продлилась всего пару секунд, ровно столько времени потребовалось на принятие решения.

– Ладно.

Секретарша, имя которой теперь Лириана знала, сдалась слишком быстро. Лира хотела бы ее осудить, но сама вообще не платила за квартиру, а если бы пришлось оплачивать апартаменты, то диплом она получала без пары почек – это были запредельные цифры за жилье. Но это не все, что привлекло внимание Лире: если Одри и Джессика в таких доверительно-денежно-деловых отношениях, какую еще информацию она могла вынести за пределы деканата? Возможно, именно так Одри Херд, которая не отличалась знаниями,

всегда сдавала тестирования на отлично?

– Но это останется между нами. Я правда его боюсь, от одного взгляда профессора Нокса мне хочется спрятаться и заплакать. А его шрам, ужас.

– Разумеется, ты же меня знаешь. – Голос Одри стал еле слышен, она перешла на шепот в ожидании ответа.

– Он живет...

Но договорить и подслушать не удалось: в уборную зашли другие студенты, прерывая волнительное ожидание адреса. Лира хотела знать, где живет новый профессор, конечно, она не будет искать с ним случайной встречи, скорее – избегать района, где тот жил. Что уж район, она бы выбрала другую планету, лишь бы не встречаться с ним. Только лишь тон его голоса будил скрытую часть внутри Леры, которую она никогда не показывала ни себе, ни окружающим. Это пугало, будоражило, выбивало из привычного размеренного ритма. Она должна быть идеальной и приличной девочкой, а они не думают о тех вещах, которые представляла Лира, смотря на нового профессора. Она и видела его всего лишь раз...

Время до вечера пролетело: Аврора больше не говорила про дядю, а у Леры язык не поворачивался, чтобы узнать хоть что-то про него. Казалось, она и так наговорила лишнего в начале первой лекции.

Обедали подруги в кафе у кампуса: Лира смотрела на объявление «требуется официант» и надеялась, что это должность достанется не ей. Пропахшая жареным маслом забе-

галовка славилась демократичными ценами и плохим кофе. Мисс Вейн, сидя на потертom дерматине диванчика, уже представляла, как плохо будут пахнуть ее волосы после смены. Она понимала, что работа официантом – это нормально, но себя не представляла за прилавком, где нужно улыбаться таким студентам, как Одри.

– Одри хочет соблазнить твоего дядю. – Лира сказала это так тихо, что была огромная доля вероятности остаться неслышанной. Но то, как Аврора выплюнула кофе в чашку, доказывало, что подруга услышала и удивилась.

Рори вытерла губы салфеткой и прокашлялась.

– Ему тридцать, – озвучила она возраст, будто смертельную болезнь. Лиру же этот аргумент не смущал. Тридцать – да, это немало, но разве это может стать причиной того, чтобы отказаться от привлекательного мужчины?

Она сама себя отчитала за эти мысли, разумеется, она не думала о Сайрусе Ноксе в таком ключе. Обмануть себя почти получилось, но потом она вновь услышала в воспоминании его голос и вздрогнула, испугавшись мурашек на теле.

– Он выглядит хорошо. – Лира попыталась хоть немного оправдать свою реакцию его внешней притягательностью.

– У него шрам на половину лица, – не сдавалась Аврора, словно ее миссией за обедом было наговорить плохого о собственном родственнике.

– Всего лишь у брови, глаза и щеки, и он его совершенно не портит.

– Как я и сказала. – Аврора покрутила чашку в руках. – На половину лица.

Лира сказала это не подумав и, когда возникла пауза в разговоре, поняла, что, заговорив о привлекательности, пусть и так завуалированно, сама вырыла себе яму из будущих вопросов. И не ошиблась: глаза Рори загорелись хитрыми искрами, она растянула губы в улыбке, как у Чеширского Кота, и молча ждала продолжения.

После нескольких секунд Лира не выдержала и попыталась отвлечься на другую тему:

– Кофе сегодня особенно мерзкий.

Уловка не сработала, Рори продолжала улыбаться так, будто поняла все секреты подружки и ждала чистосердечного признания.

– А ты мне зубы-то не заговаривай, и шрам его не портит, и выглядит моложе. – Аврора все же заговорила. – Ты сама-то не надумала соблазнить моего дядю?

Лира быстро обернулась, чтобы удостовериться, что никто не услышал тираду, и нагло соврала даже себе:

– Конечно нет! – Она обиженно сжала губы в тонкую полоску и нахмурилась, отчего на идеальной коже появились морщинки между бровей. – Как тебе это вообще пришло в голову? – Лира задала вопрос, но больше всего не хотела слышать ответ с рассуждениями.

– Да как-то подумалось. – Рори хотела сделать глоток кофе, но передумала, когда вспомнила, что недавно прополос-

кала им рот и выплюнула обратно. – Сайрус Нокс не создан для романтики и соблазнений. – Подруга заговорила непривычно для себя строго, перестав веселиться и улыбаться. – Он не тот человек, который строит дом, заводит собаку и детей. Просто не надо.

Слова Авроры звучали печально, но Лира не смогла молча кивнуть, согласиться – внутри интерес и любопытство съедали кости, как кислота. Она помедлила несколько секунд, собирая последние осколки гордости. Она просто спросит – не потому, что хочет соблазнить дядю подруги или профессора, это простой интерес – обычный, каждому было бы интересно...

Но не каждый смог бы спросить.

– Он правда убийца? – Лира поспешила оправдаться: – Случайно подслушала разговор в туалете, где Одри рассуждала о Сайрусе с секретаршей...

Лира пересказала разговор, но не стала упоминать об отношениях с отчимом, эта тайна казалась слишком грязной, чтобы даже произносить ее вслух. Аврора слушала внимательно, порой недовольно хмурясь, когда история дошла до вопроса денежного.

– Дай сумку.

Аврора попросила у Леры сумку, но та лишь заморгала, не сразу понимая, для чего она ей понадобилась. Подруга не спешила отвечать про «убийцу», казалось, что она просто отложила этот разговор или на потом, или навсегда. Второй

раз бы Лира уже не стала спрашивать.

– Зачем? – Лириана не сразу выполнила просьбу, которая прозвучала как приказ.

Аврора подкатила глаза и цокнула, начиная объяснять, будто перед ней сидела не ровесница, а маленький ребенок:

– У тебя в сумке журнал, который я отдала тебе утром, я хочу посмотреть статью, которую прочитала Одри.

Лира достала журнал и с опаской передала подруге, думая, что будет, если Одри Херд правда добьется желаемого и сможет заполучить сердце Сайруса Нокса. Вдруг это возможно и у него и правда есть сердце? Отчего-то эти мысли неприятно жгли в области груди. Лира приложила руку к солнечному сплетению, ища источник неприятного чувства, он прятался глубоко, превращал внутренности в угли и пепел. Странное неприятное ощущение, ни с чем не сравнимое, новое, отдаленно похожее на тошноту, вот только не едой, а отчаянием. Лира смотрела, как подруга перелистывает журнал, потом читает статью, но строчки перед глазами были не просто вверх ногами, они расплывались, словно намеренно не давая себя изучить.

– Какая гадость, ну, ладно, давай изучим вопрос.

И она начала читать:

«Выясните, в каком семейном положении находится ваш преподаватель. Взгляните на безымянный палец его правой руки. Есть ли на нем обручальное кольцо? Если да, то вам нужно решить, является ли этот фактор сдерживающим в до-

стижении вашей цели. Если кольца нет, попытайтесь выяснить, есть ли у преподавателя кто-нибудь. Некоторые профессора могут случайно упомянуть свою девушку или невесту в классе. Найдите страничку преподавателя в социальной сети – это отличный способ, чтобы выяснить, свободен он или занят».

Аврора закончила читать и, не удержавшись, сделала глоток остывшего кофе. Подругам потребовалось несколько минут, чтобы переварить написанные строчки.

– То есть даже наличие кольца может не остановить сумасшедших фанаток от преследования предмета своего обожания? – Лира посмотрела на дно кружки из-под кофе, жалея, что у нее нет денег, чтобы заказать вторую. Отчасти это было ей на руку, так как уже был вечер, а после кофе она долго не могла заснуть и ей часто снились кошмары, но хотелось смыть с неба неприятное ощущение.

– Хуже то, что я сама дала ответ на этот вопрос, даже не пришлось ждать или искать страничку дяди.

Лира для себя отметила, что надо найти эту самую страницу, если он ее, конечно, вел. Лира вспомнила, когда последний раз сама добавляла новые фотографии, и поняла, что слишком давно. После смерти брата ни на одной фотографии в ленте не было ее лица, лишь пейзажи, красивые кадры города, несовершенные изображения, которые приковывали ее внимание с первых секунд. Трещина у корня дерева, отколотый край фарфоровой кружки, граффити на сте-

не в переулке, преломленный луч солнца о стекло ее квартиры, шрам на лице – она бы внесла его в этот несовершенный список красоты, на которую хочется смотреть.

– Сделайте решительный шаг в конце семестра.

Аврора дочитала статью, а Лира так погрузилась в собственные мысли, что вновь пропустила часть разговора, и, судя по пунктам, выделенным в журнале ручкой, было минимум десять советов, как соблазнить профессора Сайруса. Растерянный взгляд не скрылся от Авроры: слишком хорошо она знала подругу, чтобы понять – опять все прослушала. Но упрекать не стала, не в этот раз.

– Думаешь, у Одри есть шанс? – Лира спросила, но вновь не хотела и боялась честного ответа.

Одри Херд была красивой, это было глупо отрицать, а говорят, что мужчины любят глазами, возможно, и их профессор – не исключение?

– Я не знаю, – призналась Рори, задумавшись. – Последние семь лет Сайрус был нелюдим, каждый раз, когда приходила военная телеграмма, мама думала, что это известие о смерти родного брата. Я до сегодняшнего утра даже не знала, что он вернулся. Да и ему нужна явно опытная и состоявшаяся женщина, зачем ему бестолковый подросток?

Лира нахмурилась, принимая сказанное на свой счет. Она тоже была молода, но точно не считала себя подростком. Когда умер брат, закончилось не только детство, но и, по ощущениям, все счастье и легкость. Она похоронила всех род-

ных людей: автомобильная авария родителей, в которой Ли-
ра выжила лишь чудом, потом шторм, забравший жизнь Кай-
дена. Она не бестолковый подросток, уже давно нет.

– Двадцать два – это не подросток, – прозвучало обижен-
но, но Аврора не обратила внимания, думая о своем.

– Нет. – Рори махнула головой, выбрасывая из мыслей об-
разы. – Семья не примет такой выбор.

Лира хотела повторить свой первый вопрос: правда ли он
убийца, как о нем говорят, – и задать новый: а будет ли такой
человек, как Сайрус Нокс, интересоваться чужим мнением?
Он казался уверенным в себе, самодостаточным, без необ-
ходимости спрашивать у других совета.

Лира убрала журнал в сумку и, попрощавшись с Авророй,
пошла пешком в сторону пентхауса. Подруга предложила до-
вести и еще раз спросила про ужин, но хотелось побыть на-
едине с собственными мыслями, и Лира отказалась, следуя
между домами по дорожке, вымощенной ровным камнем и
ведущей к башне ее заточения. Иронично: принцесса, кото-
рая добровольно возвращается в собственную ловушку.

Ей совершенно безразлично.

Это последний год.

Уговоры уносил вечерний ветер, заглушая мысли проез-
жающими авто. Лира не знала, как поступить. У нее всегда
был ответ. Еще до того, как задавали вопрос, она знала, что
будет делать завтра и через полгода, она не мечтала, просто
следовала плану и не уклонялась от намеченной цели: ди-

плом — наследство — свобода.

Но отчего-то, идя домой, она меньше всего хотела последнего пункта. Что, если даже на свободе нет счастья? Вдруг там новая жизненная ловушка, из которой не выбраться, не сбежать уже никогда.

Беги, — вновь и вновь звучало в голове, ноги сами несли Лиру в сторону квартиры, она хотела ускориться, чувствовать адреналин, жжение в мышцах, страх быть пойманной. Но единственное, что ощущала, — ветер и одиночество.

Монстров нет, они большие не гонятся за принцессами.

— III —

Ли́ра стояла на незнакомой поляне: ее окружал густой и высокий лес, казалось, он царапал облака чернеющими кронами и скрывал от целого мира, пряча в своих цепких объятиях. Холодная трава, влажная от росы, щекотала обнаженные щиколотки, но вместо умиротворения Ли́ра ощущала тревогу. Лес, высокий и непроницаемый, не приносил чувства защищенности. Ее сердце билось так громко, что она могла чувствовать его импульсы, не прикасаясь к груди рукой. Этот звук, смешанный с шумом листвы и запахом влажной земли, наполнял неопределенностью и предчувствием чего-то необычного.

Опасность — она была вокруг, сгущалась шелестом деревьев и шептала неизвестностью. Вмиг все звуки стихли, как и сердце перестало биться. Ли́ра слегка повернула голову вправо, чтобы увидеть у кромки леса тень. Тень не двигалась, она смотрела с вызовом и предостережением, и Ли́ра чувствовала этот взгляд: он царапал кости волнением и пробирался под кожу, заставляя быть готовой ко всему.

Мисс Вейн не видела лица, оно было скрыто сумраком, но знала, кто этот мужчина. Разве могла она видеть другое лицо в темноте? У ее монстра только одно имя, он не носит маски, не скрывает свою истинную суть.

Сайрус Нокс

Это он стоял черным призраком тени, даже с большого расстояния – возвышался и был опасен. Опасен. Смертельно опасен. Лира знала это, но не отводила взгляда. Это как смотреть в глаза хищника и поддерживать зрительный контакт – моргнешь, и ты труп. Если она отведет взгляд, он разорвет ее на мелкие кусочки. Лира была хорошей девочкой, она играла в его игру, не чувствуя себя запертой в башне принцессой. Это их битва, их сражение, их выбор. Они сами пришли сюда, их никто не заставлял. Адреналин горчил вишневым дымом, в горле пересохло от ожидания. Что будет дальше? Лира отвернется или тень заберет ее? Отчего-то эта мысль придала уверенности, что победа заключена в проигрыше, и она сделала шаг назад, бесшумно увеличивая расстояние до Сайруса Нокса. Убийцы, который пришел за ней.

Она играла по его правилам, но добавляла свои переменные в неравное уравнение. Она – не добыча для хищника, она – не жертва, но кто же она тогда? Кто он для нее, а она – для него? Ей должно было быть страшно, ведь принцессы обязаны бояться монстров и чудовищ. Но, может, с ней что-то не так?

Лира не знала ответа, но тень подсказала ей:

– Хорошая девочка.

Из ее пересохшего горла вырвался хрип, жалобный, сла-

бый, болезненный. Вот кто она для тени – хорошая девочка, которая думает плохими мыслями о нем. Лира не знала, что сказать или сделать, каждая мышца в теле напряглась от предвкушения, она – не жертва, ведь жертве не может нравиться смотреть в глаза своему палачу?

– Беги, – палач приказал и сделал шаг вперед, подставляя лунному свету сияющие глаза, от вида которых Лира сжала губы плотнее, чтобы не провести по высохшей коже языком. Он был дьявольски красив: до неприличия и против всех законов природы. Шрамы не могут быть привлекательными, они изображают уродство, они – отпечатки пережитой боли, и Лира захотела эту боль забрать, освободить монстра от переживаний и одиночества, показать свет и тепло. Короткого приказа было недостаточно, она все еще стояла и смотрела, ожидая продолжения. Что случится, если она побежит? Лире нужно было знать, бегство не пугало ее – ее пугала неизвестность.

– Если ты побежишь, я догоню тебя.

Именно эти слова стали отправной точкой для побега – Лира хотела, чтобы монстр ее поймал, знала, что это неправильно: не возбуждение должна испытывать молодая девушка, убегая от убийцы, но она не могла обмануть свои желания и инстинкты. Она будет бежать лишь для того, чтобы быть пойманной чудовищем, – кому нужны принцы? Все принцессы давно перестали их желать и ждать, они не пробуждают те скрытые части души, они не разогревают кровь до тем-

пературы кипения, все они – не он. Не монстр за ее спиной, чье дыхание уже слишком близко, чтобы быть настоящим.

Теперь Лиру не беспокоил незнакомый лес, ей было не интересно ничего вокруг, лишь погоня, лишь желание быть пойманной, проиграть и почувствовать вкус уже не азарта, а его губ. Лира бежала так быстро, как только могла, она не разбирала дороги, не смотрела по сторонам, неслась со всех ног вперед, зная, что, если будет бежать достаточно быстро, он догонит ее, грубо схватит за запястье, прижмет спиной к груди. Глупые мечты глупой принцессы, но они давали силы на новый шаг и вдох, на желание продлить эту адреналиновую эйфорию. Ветки царапали кожу, цеплялись за ткань одежды, путали волосы, но ничего не могло заставить Лиру остановиться, ничего, кроме понимания, что она вновь оказалась на поляне, окруженной высокими деревьями, но теперь они были не как защита, лишь прутья клетки, в которую она так хотела попасть.

И дверь ее ловушки захлопнулась, когда за спиной послышался тихий смешок.

– Попалась.

Лира быстро обернулась и увидела его совсем близко. Высокий, весь созданный из углов и противоречий, злой внешне, но в янтарных глазах пылал огонь, который не отпугивал – притягивал ее, как мотылька на смертельное пламя. Он – ее погибель, разрушитель мира, выстроенного из хрупких стен. Если он ее коснется, она станет ничем, растает, сломается,

изменится.

– Ты хотела, чтобы я тебя поймал?

Он говорил тихо, тише шелеста листвы вокруг, но Лира могла слышать лишь его. Весь мир перестал существовать, концентрируясь на мужчине.

– Нет.

Она врала самой себе и хотела сделать шаг назад, чтобы заставить его приблизиться, но ноги больше не подчинялись ей, как и все тело. Лира – пластилин, который в руках монстра превращался в раскаленную сталь.

– Обманщица. – Сайрус приблизился и провел пальцем по щеке Леры, очерчивая линию челюсти и спускаясь к шее, к месту пульса. – Знаешь, что бывает с плохими девочками?

Лира хотела возмутиться: она не плохая, она – хорошая, но язык не слушался, как и тело, пылающее неестественным жаром. Она не могла ответить, она не хотела быть плохой девочкой, она не такая.

– Плохих девочек наказывают. – Сайрус сделал шаг назад, убирая руку с шеи. – Они не получают то, чего хотят.

Пробуждение было похоже на воскрешение: Лира открыла глаза и старалась понять, что видит перед собой – потолок или кроны деревьев. Как с поляны она попала сюда, в мягкую постель? Возможно, они пришли сюда после? Она раскинула руки в обе стороны и ожидаемо ощутила прохладную пустоту. Лира была одна, она не бегала по поляне от профессора, он не называл ее хорошей девочкой, он не касался щеки. Но

кожа на лице явно жила в фантазии, и Лира ощущала прикосновение сильных пальцев.

Она застонала: то ли от обиды, то ли от понимания, что сон завершился. Лира перевернулась на живот и уткнулась лицом в подушку, втайне от себя самой желая вернуться в сновидение и не лгать, сказать правду и получить вознаграждение, так как она – хорошая девочка. От такого определения стало физически дискомфортно, все мышцы гудели, как после настоящей пробежки.

Холодный душ не помог вернуть ясность рассудка. Лира постоянно возвращалась на поляну и переигрывала сцену с разговором, отвечала по-другому и каждый раз жалела, что ей не приснился финал. Она фантазировала под прохладными струями воды, скрывая свои потаенные желания за перегородкой душевой. Пальцы двигались сами, она лишь представляла, что это он прикасается к ней, дает ей то, что было так нужно. Левой рукой Лира сжимала грудь и увеличивала давление, доводя его до боли, что в сочетании с мыслями приносила лишь еще большее возбуждение. Лира пробовала ласкать себя раньше, хотела чувствовать непередаваемое ощущение, когда все тело сжимается и натягивается, как тонкая нить, а потом рвется, разрушая осколками ее существование. Но никогда раньше чувства и прикосновения не ощущались так резко, больно, правильно. Он был бы с ней более груб, Лира это знала и поэтому не жалела себя, до боли сжимала, щипала за сосок и терзала клитор, не бо-

ясь почувствовать дискомфорт, – теперь он был с привкусом опасности, которую монстр поселил в ее сознание. Сон не давал себя забыть, раз за разом возвращая жар в тело, даже после быстрой неожиданной разрядки. Лира стояла под струями прохладной воды, удерживалась руками за стену и тяжело дышала.

– Ненавижу тебя, Сайрус Нокс.

Лира хотела своего профессора, сон лишь подтвердил это. Короткий разговор с незнакомцем у запертой двери, встреча в аудитории – этого было достаточно, чтобы монстр пробрался в сны и сделал из страшного кошмара лучшую фантазию за все время. Это пугало до чертиков. Она не такая и не может испытывать такие чувства и эмоции. Слезы стекали из уголков глаз и растворялись в проточной воде, минутная слабость – это все, что Лира могла себе позволить, ведь если не она, то кто тогда будет сильной?

– Нужно держаться от него подальше.

Слово «секс» даже в собственных мыслях было произносить страшно. Разумеется, она знала теорию, изучала за редким просмотром порно, но никогда не доходила до практики с парнем. От этого чувство того, что она – запертая в башне принцесса, было слишком сильно. Когда другие жили обычной студенческой жизнью – она смотрела на всех с высоты пентхауса, но не потому что хотела, а из-за того, что так ее вынудили жить.

Лира успокаивала себя тем, что просто не встретила то-

го самого принца и он не спас ее из заточения; она не старая двадцатидвухлетняя девственница. Такие вообще бывают? Аврора шутила, что через восемь лет ее позовут на ток-шоу как самую престарелую невинную девушку. Шутки шутками, но Лира и сама стала замечать в себе невидимые для всех отклонения. У нее были пара парней, но с ними не зашло дальше поцелуев, все эти слюнявые прелюдии казались мерзкими, не приносящими ни капли удовольствия и возбуждения. А потом эти парни исчезали так же быстро, как и появлялись, разрывая все связи с ней, начинали новые отношения или вообще переезжали. Возможно, ей нужно было обратиться к психологу, но, когда был выбор купить продуктов или час разговора, Лира выбирала не умереть с голоду, а проблемы она решит после. Или никогда? А может, ей не хватало адреналина, и когда она почувствовала его вкус на кончике языка, это изменило все то, к чему Лира успела привыкнуть: порядок, правила и рутина без вариантов.

– Привет, мои хорошие. – Мисс Вейн вышла на балкон, который раньше делила с Авророй, и начала разговаривать с цветами, растущими там.

Прохлада утра принесла покой и позволила отгородиться от сна и фантазий в душе. Только влажные волосы были свидетелями пережитых чувств, но они лишь оставляли мокрые полосы на домашнем топе, подсвечивая кожу. Ежедневный ритуал полива успокаивал, раньше на балконе ее встречали не только цветы, но и Аврора с кофе, теперь, когда подру-

га переехала, спутниками каждого утра были одиночество и тишина.

Балкон был рассчитан на две квартиры, в центре отсутствовала перегородка, и поэтому места было слишком много для одного человека. Чтобы скрасить свое заточение, Лира выращивала петунии и болтала с ними по утрам. Отличные собеседники: цветы не перебивали, не давали советов и не учили жизни. Лира поливала их из смешной лейки, похожей на желтую уточку с длинным носиком-клювом, пританцовывала под музыку в правом наушнике и первый раз за утро выкинула из головы Сайруса Нокса. Короткие домашние шорты не прикрывали почти ничего, а один из первых альбомов Шакиры так и просил повилять бедрами в такт, что Лира и делала, зная, что она в самой высокой точке Кембриджа и единственные, кто может стать свидетелем ее распутных восточных танцев с леечкой, – цветы и солнечные лучи.

– Сейчас я о вас позабочусь, и вам будет хорошо.

Лира дослушала песню и радостно улыбнулась, подставляя лицо солнцу. Ее кожа всегда была как после отпуска – сияющая, но хотелось понежиться в согревающем тепле еще хоть секундочку. Так как дальше, по расписанию, день будет похож на Ад. Сентябрь начался с хорошей погоды, но сколько продлится это тепло, никто не знал, словно у температуры было собственное настроение: утро одного дня начиналось с пекла, а следующий приносил озноб и осадки.

– Так сильно хотите место помощницы?

Ли́ра сначала проигнорировала вопрос, точно зная, что она одна, но после секундного отрицания резко развернулась на звук, надеясь, что ей это послышалось. Но глаза не лгали, как бы Ли́ра ни хотела перестать видеть мужчину-профессора-монстра.

– О-о-о, – единственное, что она смогла произнести, так и оставаясь с приоткрытым ртом, что еще больше веселило мужчину напротив. Стараясь прикрыться, хоть и была одета в домашний топ, Ли́ра приложила к груди лейку и продолжала смотреть на профессора, которому самое место в натурщиках, если нужно изучать мышцы. Сайрус стоял в дальнем конце балкона, курил и совершенно не смущался единственного, что прикрывало его достоинство, – полотенца, к огромному сожалению Ли́ры, не прозрачного. С упругих кудрей на голове текли капли, очерчивая мокрые изломанные линии вдоль торса и по мышцам рук, обводя шрамы. Ли́ра сглотнула, когда одна из капель спустилась к мягкой границе полотенца. Если она спит, то этот сон ей нравится почти так же сильно, как и тот, в котором она мечтала быть пойманной.

– О, – повторила и, опомнившись от помутнения, отвернулась, надеясь, что если не станет смотреть, то забудет образ полуголого профессора на ее балконе.

Но, разворачиваясь, Ли́ра не думала, что ее шорты нужно было утилизировать много лет назад из-за того, что они попросту стали малы и напоминали нижнее белье. Но ей не перед кем было красоваться, и вещи служили долгую службу

из-за аккуратности и элементарного отсутствия финансов на регулярные обновления.

– Милые шортики.

Профессор не исчез лишь потому, что Лира перестала его видеть. Послышался звук тихого глотка из кружки и усмешка, которая была явно направлена в ее сторону.

После слов Сайруса Лира могла поклясться, что кожа на бедрах загорелась от пристального взгляда, и ей захотелось переступить, чтобы снять неожиданно нахлынувший жар. Она мечтала одновременно сбежать и поймать профессора за наглым подглядыванием, поэтому развернулась так быстро, как только могла, продолжая прижимать лейку-уточку к груди.

Но Сайрус не смотрел, не сверлил в ягодицах дыру взглядом, как представляла Лира, он просто изучал город, приклонившись локтями к стеклянной перегородке. В одной руке сигарета, во второй кружка кофе, если ее отпустить, то она легко пробьет крышу припаркованного внизу авто – так тут было высоко.

Лира высоту не любила, как и никогда не подходила к ограждению, не будучи уверенной в его надежности. В жизни все органы скрутились в опасный ком, и первое, что она смогла сказать:

– Отойдите, пожалуйста, от края.

Прозвучало с нотками паники, но профессор не послушался и лишь встал полубоком к ней, будто проверяя, не по-

слышалось ли.

А Лира замерла, боясь, что, если она слишком глубоко вдохнет или сделает шаг, – стекло не выдержит такую высокую фигуру. Обнаженные части тела сильно отвлекали от расчетов. А если бы ее спросили, есть ли на теле профессора татуировки, она не смогла бы вспомнить – все ее внимание было сосредоточенно на влажных дорожках капель, шрамах и разумеется, полотенце, ставшем ненавистным в это утро.

– Что вы делаете на моем балконе, мисс Вейн? Вы тут не должны жить.

Сайрус сделал затяжку и почти сразу глоток из чашки, наслаждаясь особым сочетанием никотина и кофеина, на что Лира была готова подавиться слюной. За хороший кофе утром можно было и убить.

– Поливаю цветы.

Сказала очевидное, продолжая прикрываться лейкой и стараясь не думать о том, какой вкус может быть у губ человека, который одновременно пьет ее любимый напиток и курит вишневые сигареты. Очень хороший или очень плохой?

– Это я вижу.

Сайрус опять затянулся, выпуская дым в сторону инструмента для поливания, ставшего очень неудачным выбором защиты от изучающего взгляда. Нокс посмотрел на участок обнаженной кожи между топом и шортами, и его вдох остановился на половине, почти вызывая кашель. Он точно заметил уродливый шрам, который Лира прятала от окружаю-

щих. Она опустила лейку ниже.

– И давно ли это ваш балкон, профессор?

В голосе Лиры чувствовался вызов, и она не пыталась прикрыть его вежливостью. Лира ненавидела Сайруса Нокса за то, что он пробрался в ее сны, разрушил шаткий и привычный мир своим появлением и теперь стоял перед ней как греческий бог – Аполлон или кто угодно. Она ненавидела его просто за то, что он существовал в мире и теперь был слишком близко, словно намеренно изменял толщину ее хрупкого равновесия взглядом.

Сайрус посмотрел на левую руку, ища там подсказку в виде часов, но не найдя, озвучил число примерно.

– Около двадцати часов. – Он сделал еще одну затяжку.

Лира не могла не заметить, как изменился взгляд профессора, когда он заметил шрам. Неужели человек, имеющий рубцы, мог так реагировать на чужие?

– Третий здания принадлежит фамилии Нокс, поэтому логично, что я занял собственные апартаменты, не находите?

– Не нахожу, – огрызнулась Лира и сделала шаг назад, слишком поздно ругая себя за несдержанный ответ.

Она все еще хотела место помощницы и больше всего не хотела вспоминать сон, который ожил эротическим кошмаром в окружении цветущих петуний. Она трогала себя совсем недавно, сжимала грудь и думала о руках профессора, а теперь он уничтожал ее просто своим нахождением рядом.

– А у вас острый язычок. – Сайрус повернулся к ней ли-

цом, но Лира старалась не смотреть: ни на рельеф, ни на полотенце, ни на косые мышцы живота. Там точно были шрамы, много, но она не могла найти смелости, чтобы рассмотреть их лучше. Она вообще не должна это видеть, она не хочет это видеть, но видит, украдкой поглядывая, запоминая, делая мысленные наброски грифелем на бумаге.

Лира могла бы догадаться, где будет жить профессор Нокс, но это было последнее, о чем она могла думать из-за всех новостей и событий, которые обрушились на нее.

– Я уберу цветы с вашей половины, – тихо прошептала, но потом подняла голову и бросила зрительный вызов.

Она – Вейн, они не лепечут, не боятся, они смотрят свысока и сражаются до последнего, погибая в автокатастрофах или шторме, но даже перед таким монстром, как профессор Нокс, Лириана не опустит головы. Но бороться с Сайрусом было почти как съесть арахисовый батончик – смертельно. Но он не был аллергией, скорее – причиной закончившегося кислорода в легких и жара во всем теле.

– Если будете поливать их в таком виде, можете ничего не переставлять. – Золотистые глаза блеснули, Лира могла поклясться правым наушником. Но искра потухла слишком быстро, чтобы разгорелось пламя.

Он только что сделал ей комплимент? Или, наоборот, высмеял внешний вид? Лира не знала, но чувствовала, как пылают щеки. Опять. И лишь от простого замечания.

– Я не знала, что буду не одна. – Попытка спасти положение.

ние не увенчалась успехом.

Сайрус перестал облокачиваться на стеклянную пропасть поясницей и сделал шаг ближе, заполняя своим пьянящим запахом все пространство балкона. Если он будет курить тут каждое утро, Лире не нужны петунии, он пах в сотни раз приятнее – опасностью, желанием и страхом. Нокс ничего не сказал, посмотрел на лейку в руках Лир и вышел с балкона в свою часть квартиры, оставляя после себя чувство незавершенности, уже второй раз за последние часы. И плевать, что в первый раз был лишь сон.

Лира отступила еще на один шаг назад и выдохнула, сильно зажмурив глаза. Он был слишком красив, слишком для того, чтобы быть профессором и дядей подруги, жить по соседству, пить кофе на ее балконе и быть в зоне видимости без возможности прикоснуться. А Лира очень хотела это сделать.

Она оставила лейку и вернулась в квартиру, доставая журнал из сумки. Третий пункт статьи гласил:

«Определите степень риска и вознаграждения».

Без вариантов, степень риска – максимальная. Вознаграждение, если таковое и будет, – неизвестное. Лира еще раз пробежалась по пунктам и забросила глянцевую макулатуру в дальний угол письменного стола, ставя для себя точку. Но для Одри сегодняшний день обещал стать переломным, и Лира сказала себе, что никак не будет этому противиться. Если одnogруппница хочет – пусть добивается профессо-

ра. Плевать. Лира решила не искушать судьбу второй раз за утро, поспешила переодеться и пойти в сторону университета до того, как собрался бы профессор: у них теперь один лифт на двоих, один балкон на двоих, а хотелось бы, чтобы этих моментов пересечения стало около нуля. Но переехать Лира не могла, а делать вид, что ей ночью не снился преподаватель, который бегаёт за ней по лесу, – могла. Это она и делала, слушала музыку правым ухом, уговаривала себя, что скоро все наладится.

Это последний год.

Из раза в раз напоминала себе, чтобы почувствовать уверенность там, где было лишь волнение. Аврора не звонила и не писала с предложением подвезти, но Лира была и рада – хотелось спрятаться в себе и ничего не говорить, не пытаться оправдать свое волнение перед другими. В такие моменты Лира была благодарна тишине и тому, что у нее не так уж много друзей, которые могли бы ту нарушить.

Но, дойдя до аудитории, где должен был быть конкурс на помощницу, Лира почти не сдержалась и позволила себе цокать каблуками громче привычного, мысленно забивая гвозди в гроб конкурентки и, как оказалось, не одной.

– Что ты тут забыла? – Получилось резче и грубее, чем Лира планировала, но на ее выпад Одри лишь подняла взгляд от экрана телефона и усмехнулась.

Последние четыре года ни одна живая или любая другая душа не хотела работать в университете: платят мало, рабо-

ты дают много, времени на личную жизнь не остается. Лире устраивало. Но ее поразило еще и то, что Одри была не единственной желающей стать помощницей преподавателя: минимум пять человек стояли под дверью аудитории и кидали пугливые взгляды по сторонам.

– Дай-ка подумать. – Одри Херд оглянулась на дверь аудитории. – Ах да! – Она изобразила удивление и растянула перекачанные губы в оскале. – Планирую занять твое место.

Лира сжала ремешок сумки и ответила на улыбку, но сдержанно – так, как и положено смотреть наследнице семьи Вейн. Свысока и с презрением.

– Можешь попробовать, если, конечно, обладаешь хоть какими-то знаниями. – Лира без интереса достала телефон и начала листать ленту, пряча злость в безразличии.

Вступать в перепалку было делом неблагодарным, и когда Лира дочитала до новой фотографии Авроры, то не удержалась и открыла ее профиль, предварительно проверив, что никто не подсматривает в экран смартфона. Друзей у Рори было больше пяти тысяч: фото на дорогих курортах, парень – звездный квотербек и, конечно же, фамилия Нокс – это привлекало внимание аудитории. Там можно было встретить и редкие кадры Лире, вначале она недовольно возмущалась, когда находила себя в ленте подруги, но потом была только благодарна, так как это были единственные снимки за последние годы. Провалившись в раздел друзей, Лира напечатала интересующее ее имя: «Сайрус Нокс».

После секундного обдумывания запроса приложение выдало одно совпадение, которого было достаточно для того, чтобы Лира пропустила вдох и оглянулась, опять проверяя обстановку. У профессора был открытый профиль, что позволило рассматривать монохромную ленту однотипных фотографий. Все они были схожи в тональности и настроении: черно-белые, все без людей – и лишь иногда Лира замечала яркие детали. Даже море на фото не имело красок. Лира листала небыстро и настороженно, боясь встретить в ленте то, что ей не понравится, например подружку, или, наоборот, понравится – влажный торс после душа.

«Подружка» была лишь одна, это заставило Лиру открыть фото, чтобы прочесть описание. Под изображением была подпись без хештега: «Всегда». Лица незнакомки на фото не было видно, она стояла спиной, держалась за поручни моста, светлые волосы развевались на ветру. Дата на фотографии была стара – в этом возрасте Лира еще училась в школе, а в ленте профессора появились надписи «всегда». Спустя пару дней с даты публикации у Леры погиб брат, и это заставило сердце кольнуть в груди и утолщить весь тот лед, который Лира вокруг себя выращивала. Лед, что дал трещины после появления в ее жизни профессора Нокса. Но она даже его совсем не знала. Брат ушел из жизни неожиданно, оставив после себя пустоту. Они не были достаточно близки, но Кайден заменил ей всю семью после смерти родителей, и, когда он утонул, Лира первый раз ощутила себя сиротой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.